

Шум от хлопнувшей занавески, раздавшийся у входа, не ускользнул от слуха Куй У, но каким бы громким он ни был, лицо его даже не дрогнуло. Да и зачем? Отношения с вдовой Сян и её дочерью он поддерживал исключительно по долгу памяти о братстве с покойным Сян Течжу. Он не раз звал их помочь по хозяйству, платил за труд, но делал это не из великодушия, а из ответственности: женщинам в этих краях и правда некуда податься, заработать сложно.

Иногда, бывало, давал им чего-то съестного, но делал это исключительно по своей воле. Однако, когда дело касалось еды, предназначенной для его собственного фулана, тут уж извините. Даже куриный бульон. Глядя на то, как малыш хлебал его за обе щёки, он и сам мог отказаться от супа, только бы накормить его досыта. А уж делиться - тем более нет.

Вот и теперь заплатил две монеты за работу. За такие деньги в закуской эр-лана можно взять полную чашку бульона. Да, вкус не сравнить с тем, что варился в его доме, да и мясного там, может, уже и не осталось, но это уже не его забота. За две монеты вполне справедливо.

А тем временем в задней комнате Цинь Хэ, услышав голос и шаги, приподнялся с постели. Сонно моргая, он на ватных ногах дошёл до выхода. И как раз в этот момент Куй У вошёл, осторожно откинув лбом занавеску и неся обеими руками глиняный горшок. Сдерживая пар, поднимавшийся из-под крышки, он выглядел чуть ли не трепетно - так бережно нёс он свой скромный, но драгоценный дар.

Плотный, наваристый аромат куриного бульона щедро разливался по комнате из глиняного горшка в руках Куй У. Глаза Цинь Хэ будто зажали собственной жизнью: уставились на горшок и больше не отрывались, как зачарованные. Хорошо, что разум хоть немного ещё держал оборону. Он попытался отвлечься и не слишком уверенно пробормотал:

— Я... я слышал грохот. Что там произошло?

Куй У, ничуть не смутившись, спокойно пояснил:

— А, это я звал в помощь Сян-дасао, жену покойного Сян Течжу. Она помогала готовить курицу. Потом, когда всё было готово, попросила чашку бульона. Я не дал, вместо этого дал две медных монеты. Так вот, её дочка разозлилась, хлопнула занавеской и ушла.

Он говорил буднично, даже без тени раздражения, словно пересказывал погодную сводку. Для него в случившемся не было ничего особенно примечательного.

Цинь Хэ, хоть и воспринимал воспоминания прежнего владельца тела скорее как чужой фильм, всё же прекрасно понимал реалии местной жизни. Две медные монеты - цена немалая за то, чтобы помочь приготовить курицу. А если соседи хорошо ладят, то и вовсе частое дело: помогли на кухне, разделили ужин. Никто от этого беднее не стал. Но прийти и сразу выпросить чашку свежего, жирного бульона - это уже чересчур. Особенно если учесть, что это первый отвар: густой, маслянистый, питательный. Со второго налить ещё куда ни шло, но не сейчас.

Цинь Хэ нахмурился.

— С такими, как семья Сян, не стоит поддерживать близких отношений. Лучше поосторожнее с ними, — сказал он серьёзно.

Сказав это, он не почувствовал ни смущения, ни страха. Это и вправду касалось их общего быта. И он имел полное право говорить. Он ведь не был прежним Цинь Хэ. Не вырос в мирное время, не знал, что значит жить в безопасности, в тепле, в сытости, под защитой семьи и закона. Его взгляды были совсем другими.

Цинь Хэ, в которого вселился Хэ Шэн, бы, может, и пошёл на крайности, лишь бы не выйти замуж за Куй У. Но для него, того, кто выжил в постапокалипсисе, Куй У казался почти идеальным вариантом. Где, в каком мире можно выжить без силы? Особенно в мире, где рядом племена хунну и прочие варварские народы, готовые в любой момент напасть. Даже если здесь не конец света и нет зомби, угроза всё равно реальна.

А чувства? В мире, где завтрашний день - роскошь, кто будет тратить недели, месяцы на «влюблённости», «ухаживания» и прочие вещи? Там, откуда он пришёл, если человек тебе по душе, вы просто ложитесь вместе. Потому что завтра его может не быть. Да и тебя тоже.

Он посмотрел на Куй У - тот ему нравился. Прямолинейный, сильный, не глупый, к тому же не жалел еды. Жить с таким можно. А любовь... ну, придёт - хорошо. А если нет - жить-то всё равно надо.

Куй У в это время неотрывно глядел на Цинь Хэ. В его взгляде сквозила какая-то странная, трудно уловимая эмоция, но Цинь Хэ её не заметил. Всё его внимание было сосредоточено на глиняном горшке с наваристой куриной похлёбкой, аромат, будто тянущий за душу, затмевал всё остальное.

Куй У некоторое время молча смотрел на него, а потом всё же пояснил:

— Мать с дочерью из семьи Сян - это люди, которых мне перед смертью поручил мой брат. Мы с ним вместе росли.

Цинь Хэ кивнул рассеянно, вполуха слушая, вся душа у него была устремлена к курице - когда же, наконец, можно будет поесть?

Куй У, заметив его безразличие, подумал, что тот недоволен его объяснением, и добавил:

— Но раз ты так сказал, я в будущем буду держаться на расстоянии. Всё-таки, в конце концов, мы с тобой двое мужчин, а они - вдова с дочерью. Слишком частое общение как-то... не к месту.

Главным же было то, что он с трудом добился этого брака, и если вдруг Цинь Хэ переметнется к той вдовушке с дочкой, что тогда? Хоть шуаньэры и могут выходить замуж, но ведь физиологически у них всё как у обычных мужчин... А его-то супруг такой хорошенький... Дальше мысли Куй У сами собой пошли в нехорошую сторону, уносясь куда-то далеко, взгляд его скользнул совсем не туда, куда стоило бы.

Он резко встряхнул головой, прогоняя соблазнительные образы, и, пододвинув к Цинь Хэ глиняный горшок, сказал:

— Ешь.

Цинь Хэ ткнул себя в нос, широко раскрыв глаза от неожиданной радости:

— Всё мне?

— Угу, всё тебе, — кивнул Куй У.

Цинь Хэ сглотнул слюну:

— Может... может, я оставлю тебе половину?

— Не нужно. Всё съешь сам.

— А может... хотя бы одну ножку тебе оставлю?

— Жри давай, не мямли, — нахмурился Куй У. — Ещё поворкуешь - передумаю...

Цинь Хэ испугался, что тот и правда отберёт еду, и, не дожидаясь, пока тот договорит, схватил горшок и жадно принялся уплетать. Курица только что с плиты ещё обжигала пальцы, но ему было всё равно. Хоть бы до костей ладони обварил - плевать. Главное, успеть съесть. Это же... курица! Настоящая курица! В конце света даже люди с суперспособностями едва ли могли её попробовать, а он тогда разве что запахом раз в жизни наслаждался.

Куй У сидел рядом и спокойно смотрел. Ему такой способ есть казался самым нормальным. Мужик должен есть как мужик, а не как эти - понюхал, пожевал, откусил. Он даже кивнул с одобрением: вот, правильно!

На деле хрупкое телосложение Цинь Хэ совершенно не позволяло ему справиться с целой курицей. Но желание пересилило всё. И тело, которое само по себе было ненасытно, и душа, переполненная голодом прежнего мира. В результате одна целая курица вместе с горшком наваристого бульона была уничтожена подчистую.

В конце трапезы Цинь Хэ смачно отрыгнул, выпуская в воздух густой запах курятины. Он откинулся назад, облизывая губы, и подумал: «Вот это жизнь. Я настоящий баловень небес!»

А что же Куй У? Он, как обычно, ел остатки - сгрёб со дна котелка остывшую кукурузную кашу, запихал в рот дюжину кукурузных лепёшек и дочиста подобрал оставшиеся с прошлого вечера блюда, в которых почти не осталось ни жира, ни мяса. Такое меню его не смущало, он привык. Торговые люди в дороге не выбирают: ешь быстро, глотаешь что попало, лишь бы на ногах держаться и не сдохнуть с голоду.

Когда Цинь Хэ положил палочки, Куй У тоже закончил. Он, как человек, повидавший не один поход, ел молча, сосредоточенно, быстро. Поднявшись, Куй У потянулся за чашками, чтобы унести их на кухню, но Цинь Хэ шустро перехватил:

— Я сам! Я целый день валялся, пора и поработать.

Куй У окинул его своим тяжёлым, пронизывающим взглядом:

— Уже лучше?

С лекарством в теле, с горячим супом в желудке, да ещё и после полноценного отдыха, Цинь Хэ действительно чувствовал себя куда живее. Тело ещё ломило, голова была немного тяжеловата, но жара больше не было, потом пробивать перестало. Он уверенно кивнул:

— Гораздо.

Куй У придвинулся ближе и начал пристально вглядываться в Цинь Хэ. Этот взгляд был таким сосредоточенным, что у Цинь Хэ даже мурашки по спине пробежали. Только когда уже всерьёз стало не по себе, Куй У наконец произнёс:

— Не спеши. Ещё наработаешься.

Сказал так, будто бы в этом была вся суть.

Цинь Хэ, однако, и не заподозрил ничего особенного. «Ну да, хозяйство ведь общее, — подумал он. — В семье трудится каждый, разве нет?»

Но это потому, что он ещё плохо знал Куй У. Со временем он поймёт: когда Куй У говорит «наработаешься», речь идёт вовсе не о повседневных делах. Не о кормах и уборке, не о хворосте и воде.

Он говорил о ночи. О ложе. О постели, где «лежать смирно» и будет главной работой.

Куй У ведь не просто так в свои двадцать с лишним лет вдруг решил жениться. Весь город знал: он и без семьи жил вольготно, сытно, прибыльно, дом полная чаша. Зачем ему было обременять себя? Очевидно же, дело было в постели. Значит, его супругу надо было трудиться... в определённые часы. Всё остальное не его забота.

Пока Куй У гремел чашками на кухне, Цинь Хэ решил немного размяться и осмотреться. Всё-таки он так и не успел толком разглядеть, что представляет собой их двор, какие там постройки, есть ли скотина. В день свадьбы он был в бреду, пылал, словно уголь, и куда уж ему было что-то разглядывать.

— Далан, — окликнул он, заглядывая на кухню, — я пойду по двору пройдусь.

Куй У обернулся, и лицо его тут же потемнело. Его благоверный стоял в проёме двери, всё ещё в той же тонкой одежде, в которой провалялся весь день с жаром. На ногах простые матерчатые туфли, внутри, судя по виду, набитые соломой и горсткой ваты.

— Никуда не пойдёшь! — гаркнул Куй У.

— А? — Цинь Хэ замер, не понимая, в чём дело.

Куй У вытер ладони о тряпку, подошёл и сурово сказал:

— На улице стужа, а ты в этом на улицу собрался? Опять заболеть хочешь?

Цинь Хэ оглянулся на себя, потом на Куй У. На нём-то было не намного больше. Подумал: наверное, все тут так живут, одежда у всех скромная. Он ведь сам через всякое прошёл, и холод, и голод ему знакомы, так что и не подумал, что в этом есть что-то странное.

Но Куй У был другого мнения. Не давая и слова вставить, он втащил Цинь Хэ обратно в дом, достал из сундука у стены пару старых меховых башмаков. Те были огромные, явно с его собственной ноги. Стоило взглянуть, и сразу видно, что не по размеру.

— Надень пока мои. Великоваты, набьёшь внутрь соломы, походишь так. У меня ещё кусок шкуры завалялся, позже сошью тебе свою пару, — сказал Куй У и тут же начал снимать с себя стёганую ватную куртку. — Надень и это. Внутри настоящая вата, не солома, как у тебя. Потеплее будет. Завтра схожу, куплю тебе ваты, сошью новую.

Цинь Хэ вовсе не был избалованным молодым господином, не способным к труду. Глядя на простой глинобитный дом, он понимал, что семья живёт небогато. Он поспешно сказал:

— Не надо. Всё равно сейчас зима, делать особенно нечего. Работа по дому только в комнате да во дворе, справлюсь. А там и весна не за горами, потеплеет.

— Деньги есть, — сразу понял Куй У, о чём он подумал.

Он встал и подошёл к сундуку. Сундук был полметра длиной, по колено высотой, доверху набитый вещами. Куй У, словно игрушку, подхватил его одной рукой и без труда отодвинул, будто вовсе не напрягся. В глиняной стене за сундуком оказался тайник. Он снял две глиняные плитки, за которыми лежал свёрток ткани. Куй У достал свёрток и сунул Цинь Хэ в руки. Тот сразу почувствовал вес.

Развернул, а там крупные и мелкие слитки серебра.

— Здесь сорок лян, — сказал Куй У. — Тут и то, что я за все эти годы на торговых поездках заработал, и ещё с той большой кошки, что я подстрелил, тоже выручил немного. Вообще-то должно было быть больше, но я землю купил, и ещё всё, что в последнюю поездку заработал, отдал семье умершего брата. Всё-таки брат он мне был, не мог я смотреть, как его вдова с дочерью голодают.

— Ты всё правильно сделал, — сказал Цинь Хэ.

Но куда больше его поразило то, что Куй У совершенно не проявлял к нему никакой настороженности. Ведь ясно же, первоначальный владелец тела, тот самый, кого он теперь заменял, выходить замуж не хотел, даже в реку бросился. А Куй У вот так просто ему доверился, не боится, что он возьмёт деньги да сбежит?

Сорок лян - это немалые деньги. Обычный крестьянин за год, обработав землю и оставив себе немного на еду, мог скопить от силы пять лян. А Куй У, которому чуть за двадцать, уже скопил сорок. Явно, дело он знает.

Для Цинь Хэ, человека из постапокалипсиса, где и поесть-то толком было нечего, это стало последним аргументом: надо держаться за такого мужчину, как Куй У, с ним точно не пропадёшь.

Он аккуратно завернул тряпицу и строго сказал:

— Скорей прячь. И больше не доставай, не говори никому. А то ещё найдутся охотники до чужих денег.

Куй У хмыкнул:

— Посмотрел бы я, кто посмеет! — но, несмотря на уверенность, спрятал свёрток обратно. — Так что тебе и не надо экономить, ни в чём себе не отказывай. Просто знай - твой муж тебя прокормит.

<http://bllate.org/book/13598/1205816>